

УДК 398.2(=511.1)+392.51+930.253

DOI 10.51254/2312-0312-2024-4-68-87-103

СЮЖЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ СОСТАВ КАРЕЛЬСКИХ СВАДЕБНЫХ РУН (ПО МАТЕРИАЛАМ НАУЧНОГО АРХИВА КарНЦ РАН И ФОНОГРАММАРХИВА ИЯЛИ)*

© 2024 г. В.П. Миронова

Введение. Статья посвящена анализу собрания карельских свадебных рун, накопленных фольклористами Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (ИЯЛИ КарНЦ РАН) с 1930-х годов XX века. **Цель статьи** – рассмотрение этапов формирования и выявление специфики сюжетно-тематического состава имеющейся коллекции. **Материалы и методы.** Материалом послужили рукописные и звуковые записи, хранящиеся в архивах Карельского научного центра РАН. Работа опирается на описательный, сравнительно-исторический и функциональный анализы. **Результаты исследования, обсуждение.** Первоначально фиксация материала проходила в XIX веке силами финляндских ученых. Рассматриваемая коллекция начала формироваться позднее, в первой половине XX века, в ней представлена лишь часть бытовавших ранее сюжетов. Изменение сюжетно-тематического состава обусловлено трансформацией свадебного обряда и утратой некоторых его элементов. **Заключение.** Основной корпус карельских свадебных рун был накоплен исследователями ИЯЛИ в 1930–1970-е годы. Записанные в XX веке тексты имеют свою специфику, которая просматривается в возникших различных сюжетных контаминациях. В свою очередь многие тексты прекратили свое бытование по причине сокращения свадебного обряда.

Ключевые слова: карельские свадебные руны; карельская свадьба; трансформация свадебного обряда; Научный архив КарНЦ РАН; фонограммархив ИЯЛИ.

Введение

Несмотря на происходившее постепенное угасание бытования карельского традиционного свадебного обряда, его изучение не утрачивает своей актуальности и сегодня. В течение второй половины XX – начала XXI века был подготовлен ряд теоретических исследований, среди которых следует

* Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН.

отметить монографию Ю.Ю. Сурхаско, проанализировавшего ритуал с учетом региональной и локальной особенностей [1977]. Кроме того, У.С. Конкка и А.С. Степанова большое внимание уделяли рассмотрению фольклорных жанров, функционировавших в контексте свадьбы [1992; 2003]. В настоящее время эта работа в Карелии продолжается силами этномузыкологов и фольклористов [Швецова, 2019; Швецова, Миронова, 2023 и др.].

Произведения вербально-музыкального кода карельской свадьбы исследовались неравномерно, внимание в основном уделялось причитаниям, отчасти были проанализированы ёйги. Свадебные руны оказались за рамками научных интересов карельских фольклористов. Между тем в ходе свадебной церемонии эти произведения бытовали наряду с плачами и ёйгами и в равной степени были сопряжены как с локусом невесты, так и локусом жениха. Они могли оформлять целый ряд акций – от сватовства, проводимого в доме невесты, до приводного стола в доме жениха.

Карельские традиционные песенные жанры активно бытовали в контексте обрядов жизненного цикла вплоть до середины XX века. Для Южной и Средней Карелии наиболее характерными были поздние свадебные песни на карельском и русском языках лирического типа. В репертуаре севернокарельских исполнителей доминирующую позицию сохранили свадебные руны, или свадебные песни рунического типа, имеющие калевальскую метрику – восьмисложный стих с хореистической стопой [Kuusi, 1963, с. 153], а также стилистические приемы аллитерации и параллелизма, выступавшие маркерами жанровой принадлежности.

Активная фиксация свадебных рун проводилась на протяжении столетия начиная с середины XIX века и вплоть до середины XX века. Именно в этот период традиционная карельская свадьба еще имела широкое бытование в деревенском сообществе. Следует отметить, что единичные записи производились повсеместно на территории Северной Карелии вплоть до конца XX столетия и даже в XXI веке. Однако последние фиксации во многом являются результатом процесса вторичной фольклоризации, при котором усвоение древних фольклорных жанров, в том числе свадебных рун, происходило не через устную традицию, а посредством изучения различных книжных или аудиоисточников. Кроме того, длительному бытованию песенных жанров во многом способствовали самодеятельные коллективы и народные хоры, в репертуар которых зачастую они были включены.

Сравнение произведенных в разное время записей карельских свадебных рун наглядно демонстрирует как изменения сюжетно-тематического состава в целом, так и трансформацию композиции текстов в частности.

Цель статьи – проанализировать историю собирания карельских свадебных рун и выявить специфику сюжетно-тематического состава корпуса текстов, хранящегося в архивных коллекциях ИЯЛИ КарНЦ РАН.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили рукописные записи и аудиозаписи, сделанные карельскими учеными начиная с 1930-х годов. Кроме того, привлекаются печатные источники, в частности многотомник «Древние руны финского народа» (далее сокращенно Suomen Kansan vanhat runot – SKVR). Методами исследования являются описательный, сравнительно-исторический и функциональный анализы, позволяющие сопоставить зафиксированный в разные периоды материал и обнаружить различия на сюжетно-тематическом уровне.

Результаты исследования, обсуждение

Финляндский этап фиксации материала

Условно время собирания рассматриваемых произведений можно разделить на два больших периода: финляндский и российский. Первоначально, в XIX веке, фиксацией свадебных рун попутно с записью эпических песен занимались финские почитатели устной народной поэзии и исследователи карельского языка. Ключевой задачей для них был поиск искусных карельских рунопевцев, исполнявших традиционные эпические песни. Однако, наряду с этим, Э. Леннрот, А. Борениус, А. Генетц, К. Карьялайнен, И.К. Инха и другие собиратели охотно записывали карельские свадебные обычаи и произведения, их оформлявшие. К примеру, Э. Леннрот в 1833 году во время своего четвертого путешествия по российской Карелии в деревне Вокнаволок (деревня находится недалеко от города Костомукша) зафиксировал полные варианты свадебных рун. В своих путевых заметках он отмечал, что такие произведения ему удавалось записывать и ранее [Путешествия Элиаса Леннрота, 1985, с. 108]. При подготовке эпической поэмы «Калевала» Э. Леннрот активно использовал услышанный во время своих путешествий материал в нескольких главах литературного памятника.

Позже А. Борениус во время своей экспедиции 1871 года открыл в деревне Ладвозеро (нынешний Калевальский район) талантливую исполнительницу свадебных рун вдову Нифантия Агафью, от которой удалось зафиксировать несколько свадебных текстов. Общее число строк – 401, наиболее полный вариант, исполняемый на приезд молодых, насчитывал 249 строф [Niemi, 1921, s. 62]. Финские собиратели К.И. Инха и К. Карьялайнен, путешествующие по российской Карелии в конце XIX века, целенаправленно записывали описания карельского свадебного обряда в совокупности со всеми фольклорными жанрами. Впоследствии эти материалы с редкими фотографиями были опубликованы в книге И.К. Инха «В краю калевальских песен» [2019, с. 240–274].

В целом свадебные руны хранились в памяти носителей традиции значительно дольше, чем собственно эпические песни. Финские собиратели неоднократно указывали на этот факт. Так А. Борениус в своих путевых заметках подчеркивал, что «свадебные руны и заклинания являются последними жанрами, что можно услышать после исчезновения рун» [Niemi, 1921, s. 22].

Вероятно, обрядовая принадлежность делала указанные произведения наиболее жизнеспособными.

Большая часть зафиксированных на территории Северной Карелии текстов была опубликована в разных томах собрания «Древние руны финского народа» [SKVR I₃; SKVR I₄; SKVR II], в архиве Общества финской литературы (г. Хельсинки, Финляндия) до настоящего времени хранятся рукописные варианты. Совокупность материалов дает представление о бытовании свадебных рун на территориях современных Калевальского, Лоухского, Муезерского, отчасти – Пряжинского районов.

Анализируя имеющиеся в его распоряжении источники, финский ученый-фольклорист Уно Холмберг-Харва выделил десять основных групп сюжетов, которые напрямую соотносятся с центральными элементами свадебного обряда. К ним относятся руны сватовства, руны-приглашения, баенные руны, руны зятя, руны, исполняемые при окружении невесты и руны-проводы, руны на встречу молодых, руны-прославления, исполняемые в доме жениха, руны-поучения невесте, руны-утешение и руны-плата исполнителю [Holmberg-Harva, 1929]. Этим же исследователем был проведен первоначальный сравнительный анализ текстов внутри каждого выделенного сюжета. Общая характеристика жанра была представлена академиком М. Кууси в монографии, посвященной «неписаной литературе» [1963, s. 150–153].

Российский этап фиксации материала

Второй этап собирания, российский, временные границы которого охватывают период с 1930-х годов и по настоящее время, представляет нам совершенно иную картину бытования свадебных рун в Северной Карелии (отчасти и на сопредельных областях).

Планомерная работа по накоплению текстов данного жанра карельскими исследователями не проводилась, свадебные руны зачастую записывались попутно с фиксацией других произведений устного народного творчества, относящихся к поэзии калевальской метрики, или сведений о карельском свадебном обряде.

Основными территориями сбора материала являлись Калевальский, Лоухский (ранее Кестеньгский) районы. Кроме того, работа проводилась в Беломорском (ранее Тунгудском), Муезерском (ранее Ругозерском), а также в Кемском районах. Причем Беломорский район на данный момент представлен только ранними рукописными записями. Звуковая коллекция несколько расширила географию бытования свадебных рун за счет новых вариантов, записанных в Суоярвском, Медвежьегорском, Кондопожском районах и Мурманской области. Однако единичные записи (см.: Диаграмма 1 и Диаграмма 2) не дают нам возможности высказать предположение о бытовании свадебных рун на всех указанных территориях. Вероятно, в названных районах могли проживать уроженцы деревень Северной Карелии. Данная гипотеза, несомненно, требует дальнейшей более скрупулезной проверки.

Диаграмма 1

Районы бытования свадебных рун
(на материале Научного архива КарНЦ РАН)

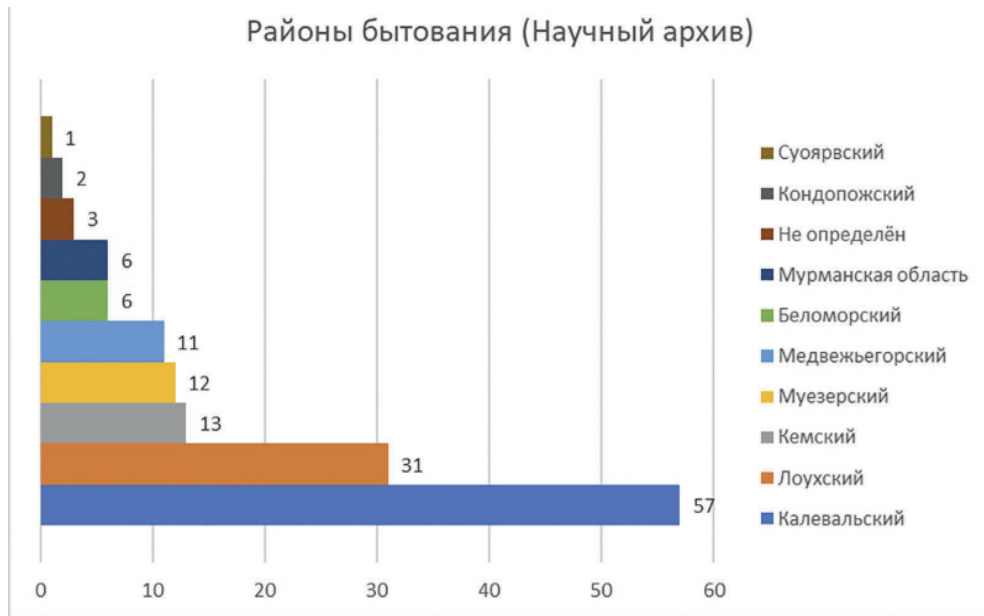
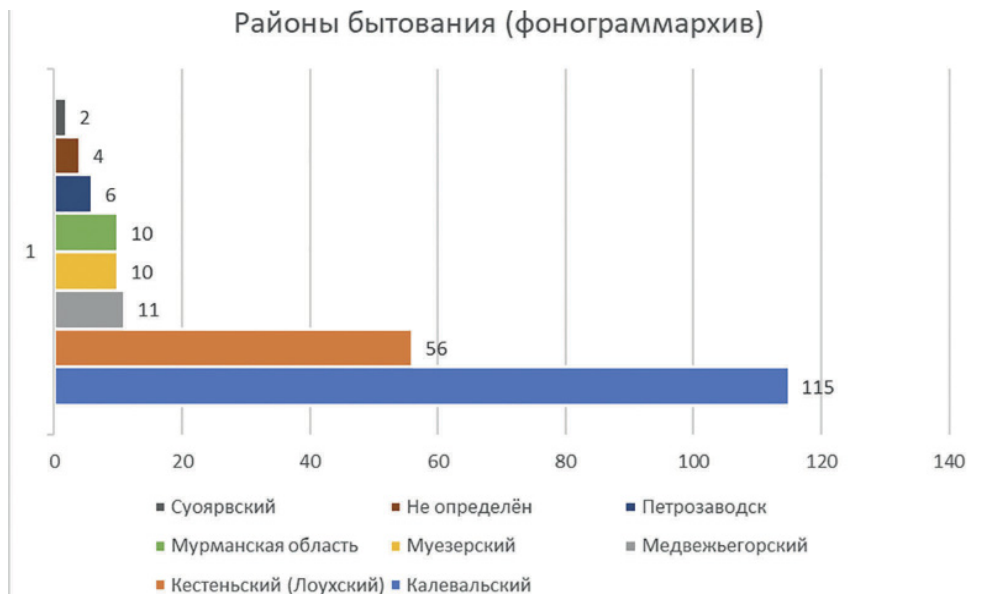

Диаграмма 2

Районы бытования свадебных рун
(на материале фонограммархива Института ЯЛИ)

Следует также отметить, что первоначально записи проводились только вручную, в Научном архиве КарНЦ РАН сохранились ранние рукописные записи, произведенные в 1920–1930-х годах. Начиная с 1960-х годов в распоряжении карельских фольклористов появилась звукозаписывающая техника, которая дала возможность увеличить охват информантов.

Совокупность материала позволяет нам выявить сюжетно-тематический состав свадебных рун, бытовавших в Северной и Средней Карелии во время российского этапа фиксации текстов. Согласно источникам Научного архива КарНЦ РАН, всего зафиксировано – 142 варианта свадебных рун на различные сюжеты.

Таблица 1

Свадебные руны, хранящиеся в Научном архиве КарНЦ РАН

Всего:	142
Руны сватовства (Kokko lenti)	43
Руны зятя (Vävyv virzi)	14+ (1?)
Руны, исполняемые при окручении (Mitä issut...)	9
Руны на встречу молодых (Miero vuotti)	68
Руны-поучения невесте	6
Незначительные отрывки текстов, где сюжет не определён	1

Время записи свадебных рун охватывает период с 1927 по 1981 год, т.е. фактически пятидесятилетний промежуток. За этот период не только жанр претерпел значительные изменения, но и карельская фольклорная традиция в целом значительно трансформировалась. На смену эпическим жанрам пришли жанры лирические, обряды практически утратили свое существование, количество носителей карельского языка существенно сократилось.

Первые полные тексты карельских свадебных рун были записаны Г.Х. Богдановым в 1927 году. Причем исследователь фиксировал произведения в контексте описания обряда. Выявленные материалы были опубликованы в самостоятельной статье [Богданов, 1929, с. 36–64]. Позже, с 1934 по 1963 год, в экспедиционную работу активно включились В.Я. Евсеев, П.Я. Куйкка, Т.М. Кундозерова, Е.П. Каллио, Д. Лажаев, Э.М. Гран, Э. Гуттари, Ф.С. Фомкин, О. Демидова, У.С. Конкка, А.С. Тупицына, Т.А. Коски, С. Кондратьева, которые не только записывали тексты рун, но и вели активную просветительскую работу с исполнителями. Результатом этой деятельности стали полученные описания свадебного ритуала из разных населенных пунктов с включенными

в них различными фольклорными текстами¹. Резюмируя итоги собирательской работы, отметим, что на довоенный период приходится третья часть всех зафиксированных вариантов. Количество записанных в разные годы текстов зависит, на наш взгляд, напрямую от личности собирателей и их научных интересов, а также от мастерства носителей фольклорной традиции, с которыми исследователям удалось встретиться.

Диаграмма 3

Хронологическая диаграмма

Наиболее продуктивными в количественном отношении стали экспедиции Г.Х. Богданова (1927, Калевальский район), Я.В. Ругоева и П.Я. Куйкка (1937, Беломорский района; 1939, Муезерский район), Э.М. Грана (1941, Калевальский район), В.Я. Евсева (1956, Лоухский район), Ю.Е. Красовской, А.С. Тупицыной (1963, Калевальский район).

Звуковые записи, выявленные в фонограммархиве Института ЯЛИ, значительно дополняют общую картину бытования анализируемого жанра. Всего на данный момент на аудионосителе зафиксировано 213 вариантов:

Таблица 2

Свадебные руны, хранящиеся в фонограммархиве ИЯЛИ

Всего:	213
Руны сватовства (Kokko lensi)	95
Руны зятя (Vävyn virzi)	3
Руны, исполняемые при окручении (Mitä issut...)	1
Руны на встречу молодых (Miero vuotti)	49
Руны-поучения невесте	1
Остальное (отрывки или неуточненные пока сюжеты)	64

¹ Полный список описаний свадебного обряда см.: [Сурхаско, 1977, с. 233–234].

Проведенная нами сюжетно-тематическая систематизация наглядно демонстрирует, что наиболее распространенными остаются те же сюжеты, что и в Научном архиве КарНЦ РАН, несмотря на достаточно большое количество на данный момент неуточненных текстов².

Формирование коллекции звуковых фиксаций охватывает полувековой период: первые аудиозаписи были произведены в 1952 году, последние учтенные на данный момент – в 2003 году. Записи на пленку стали проводить только во второй половине XX века, когда традиция исполнения рун стала постепенно угасать. Этим объясняется большое количество отрывков, на данный момент не представляется возможным без точной расшифровки отнести их к тому или иному сюжету.

Диаграмма 4

Наиболее активными собирателями аудиоматериалов стали А.С. Степанова, У.С. Конкка, Н.А. Лавонен, Р.П. Ремшуева. Их интерес к жанру свадебных рун был обусловлен вниманием к севернокарельской устно-поэтической традиции в целом. Кроме того, в круг их научных интересов входила свадебная поэзия, в первую очередь причитания. Указанных собирателей интересовали малоизученные этнолокальные группы северных карелов, в частности тунгудские и кестеньгские карелы, а также карелы, проживающие в Мурманской области.

Большая часть свадебных рун до настоящего времени не введена в научный оборот, лишь некоторые тексты были включены в фольклорные сборники [Карельская народная песня, 1977; Карельские народные песни, 1962 и др.].

² Для уточнения сюжетно-тематической принадлежности текстов требуется прослушивание и расшифровка каждой отдельно взятой аудиозаписи, эту работу планируется сделать в будущем.

Сюжетно-тематическая специфика свадебных рун
(коллекция КарНЦ РАН)

Сравнивая результаты статистических данных, основанные на материалах Научного архива КарНЦ РАН и фонограммархива ИЯЛИ, с выводами исследователя У. Холмберг-Харва замечаем, что из десяти групп свадебных рун, отмеченных ранее финским ученым, в XX веке не прекратили свое существование пять сюжетов. При этом наиболее выделяются два из них – «Kokko lenti» («Прилетел орел») и «Miero vuotti» («Мир ждал»), в совокупности составляя максимальное количество вариантов.

С течением времени пространственно-временные характеристики свадебного ритуала существенно изменились. Экспедиционные материалы демонстрируют повсеместное значительное сокращение обрядовых действий, слияние ритуалов воедино или их полное исчезновение. Подобные процессы в свою очередь повлекли за собой утрату оформлявших их фольклорных произведений.

Наиболее жизнеспособными оказывались именно те руны, которые так или иначе были сопряжены с ключевыми элементами свадебного обряда, не прекратившими существования в ходе постепенной трансформации свадебного ритуала карелов в XX веке в целом. В карельской традиции основными для свадебной церемонии оставались сватовство и приводной стол.

Акция сватовства начинала целый комплекс свадебных действий, направленных на объединение двух родов. Брачное соглашение окончательно скреплялось обрядом рукобитья, во время которого жених снова приезжал в дом к своей невесте. К торжественному проведению церемонии была приурочена специальная руна «Kokko lenti» («Прилетел орел»). Ядром повествования служили повторяющиеся диалоги между матерью или родственниками со стороны невесты и собственно женихом или его свитой. Первоначально мать спрашивала у жениха, откуда он узнал о невесте в этом доме, затем сватающий интересовался, уже ли готова его суженая. Завершает композицию развязка, в которой к поезжанам обращаются с требованием покинуть крепость (=дом), поскольку они нарушили ее миропорядок: «*Pois on, liika, linnastani // Outo, onttarin ovilta // Tukun linnoa tuhosit, // Palan linnoa pahensit*» («Прочь, лишний с нашей крепости // незнакомый (чужой) с дверей алтаря, // много из крепости (нашей) разрушил // часть крепости испортил») (перевод наш. – В.М.) [SKVR I₃ 1498]³. Меняющиеся в ходе повествования позиции адресата и адресанта в рассматриваемом тексте и финал – вынужденный уход свадебной свиты, иллюстрирует полную законченность ритуала сватовства [Миронова, 2019, с. 6–7]. Персонажи готовы к проведению дальнейших ритуалов.

³ В дальнейшем при цитировании Suomen kansan vanhat runot (SKVR) указывается номер тома и номер текста соответственно.

В ранних записях свадебных рун в качестве самостоятельного отмечает-ся сюжет «Kutsu-tai Kutsujenvirsi» («Приглашение гостей»), функция которого заключалась в напутствиях человеку, приглашавшему людей на свадьбу. Руна оформляла акт начала или завершения указанной церемонии, в некоторых случаях ее исполняли двукратно. Основное повествование произведения сводится к перечислению возможных гостей, в число которых входили и нищие, и калеки, и богатые, и «золотогрудые» [SKVR I, 1551]. Возможно, первоначально этот элемент свадьбы имел ритуальное значение, которое с течением времени было утрачено, что способствовало постепенному исчезновению сюжета. В анализируемой коллекции подобные варианты полностью отсутствуют.

Особое место в ходе проведения свадьбы некогда занимала и банная руна – «*Kylyvirsi*», основные мотивы которой отражали специфику проводимого ритуала жениховой бани. Повествование иллюстрировало процесс приготовления бани, ритуальное омовение, облачение в сакральную одежду. «Женихова баня» была актом инициации: после проведения обрядовых действий, как и в случае с «невестиной баней», порог отцовского дома становился выше, а временное расставание с ним было наполнено грустью для жениха. В XX веке карельская свадьба в основном была направлена на невесту, что повлекло за собой утрату целого комплекса обрядовых действий, проводимых в локусе жениха, а вслед за этим и приуроченных к ним рун. Настоящий сюжет карельскими фольклористами уже не был зафиксирован в качестве самостоятельного. Однако как в севернокарельской, так и южнокарельской традициях мотив подготовки и посещения бани являлся постоянным элементом сюжета эпической песни о сватовстве. Указанные тексты могли коррелировать с определенным элементом обряда – отправкой жениха за невестой.

Приезд поезжан в дом невесты начинался с приуроченной к этому акту руне «*Vävyn virsi*» («Песня зятя»). Функцией этого произведения, исполняемого от лица матери невесты, было величание жениха (=зятя) и сопровождавшей его свиты: «*Lagi kuldani kuvahti // Vävyn kuldakurdien piällä. // A late raudani ramazi // Vävyn vaški kannan alla*» («Потолок золотой заблестел // Поверх золотых кудрей зятя. // Пол железный загремел // Под медной пяткой зятя») (перевод наш. – В.М.) [НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 2, колл. 49, ед. хр. 12].

Пространственно-временные границы исполнения руны соответствовали карельской свадебной традиции: родители невесты после ритуала выводного стола (кар. *läksijäiset*) оставались в своем доме, не участвуя в дальнейших действиях свадьбы. В связи с этим приехавший за дочерью жених для них уже был зятем, а дочь на этот момент полностью теряла связь со своим родом. Сохранение данного сюжета в рамках свадебного обряда вполне объяснимо высказанными выше аргументами: для родителей невесты это было одним из кульминационных этапов свадьбы.

Вербальной реализацией обрядов, проходивших в доме невесты, являлась также руна «*Mitä issut, isosen poika*» («Чего сидишь, отцовский сын?») исполнявшаяся при окручении. Основное повествование сводится к диалогу между матерью невесты и женихом, цель которого – узнать истинную причину его появления: «*Et issu ison huuyuttä, // Et emännän armahutta, // Eika pirtin puhtahutta, // Etka sintsin siivohutta, // Vajonpaijen valkevutta. // Issut impyvön huuyuttä, // Kanavarren kaunehutta*» («Сидишь ты не ради доброго отца, // Не ради любезности хозяйки, // Не ради чистоты избы, // Не ради убранства сени, // Не ради того, что ступеньки белы, // Сидишь ты ради любимой девицы, // Ради красоты курочки») (перевод Г.Х. Богданова) [НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 2, колл. 11, ед. хр. 70].

Следующее далее описание подготовки суженой к свадьбе отражает значимость проводимых ритуалов. В частности, важно было сделать «женскую» прическу, волосы невесте обязательно заплетали в две косы. Кроме того, независимо от времени года, обязательно надевали рукавицы, что, по поверьям, защищало ее от порчи: «*Ei valmis valvateltavaše. // Vašt on jakka kenkitetty, // Toini on kenkiteltävänä, // Yksi on käsi hiemotettu, // Toini on hiemoteltavana. // Puol' on piätä palmikoitu, // Toini on palmikoitavana. // Pane piätä palmikolla, // Šivo šilkillä hivušta. // Jo on käsi kinnašsettu, // Toin' on kinnašsettavana*» («Не готова тебя ожидающая. // Одна нога обута, // Другую обувают, // Одна рука в рукаве, // На другую надевают. // Полголовы заплетено, // Другую заплетают. // Голову заплети, // Повяжи шелковым платком. // Уже рука в рукавице, // На другую надевают») (перевод наш. – В.М.) [НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 2, колл. 49, ед. хр. 13].

Рассматриваемый мотив был настолько устойчивым, что мог бытовать в качестве самостоятельной руны. Зачастую он вступал в контаминацию с сюжетом «*Kokko lenti*» («Прилетел орел») [Миронова, 2019, с. 6–13], а также являлся одним из элементов сюжета о сватовстве. В настоящей коллекции его распространение было зафиксировано преимущественно в 1930–1940-е годы.

К числу наиболее распространенных сюжетов свадебного обряда относится руна «*Miero vuotti*» («Мир ждал»), оформляющая не только момент прибытия свадебного поезда, но и всю церемонию ввода молодых в дом. На важность происходившего события указывают встречающиеся в тексте сравнения: это как появление новолуния, как восход солнца и т.д.: «*Miero vuotti uutta kuuda, // kylä päivän nouzendaista, // lumi tervaista regyttä, // mie vuotin veijoistani, // veijoistani, minnaistani, // kuin kuuda nouzijua, // päivästä nouzevua*» («Мир ждал новолуния, // деревня – восхода солнца, // снег – просмоленные санки, // я ждала своего братца, // своего братца и невестку, // словно месяца на небе, // словно солнца восходящего») (перевод А.С. Степановой) [НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 2, колл. 35, ед. хр. 92].

Произведение исполнялось от лица родственников жениха по женской линии, основная функция рассматриваемого сюжета заключалась не столько в величании молодой жены и ее мужа, сколько была направлена на приобщение «новой хозяйки» к новому роду: «*Ei niin kun omasi koissa, // Eikävarsin vanhenpiisi. // Ukko on susi talossa, // Akka karhu kartanolla. // Käly on kykki kynnyksellä, // Nato nuoklana čupussa. // Näitä sie kovin varaja // Kuvyn kylmiä sanoja, // Navon niskanaskuloja*» («Не так, как в своем доме, // Не как в доме у родителей. // Старик волком в доме, // Старуха – медведица в усадьбе, // Деверь змеей на пороге, // Золовка – гвоздем в стене. // Их ты сильно бойся, // Холодных слов деверя, // Подзатыльников золовки») (перевод наш. – В.М.) [НА КарНЦ. Ф. 1. оп. 2, колл. 10, ед. хр. 66].

Значимость проводимых акций способствовала более длительному их сохранению в обрядовом контексте, а также бытованию приуроченных фольклорных произведений. В общей сложности в нашем распоряжении имеется более ста вариантов рун на данный сюжет.

В самостоятельную небольшую группу У. Холмберг-Харва выделил сюжет «*Morsiamen nevvonta*» («Поучения невесте»). Ядром сюжета становятся наставления: молодой жене надо быть опрятной и красивой, правильно носить воду, мыть пол и вытирать пыль, убирать дом, стирать белье, накрывать на стол, ухаживать за скотиной и т.д. Примечательно, что в поздних вариантах зачастую этот сюжет контаминируется с руной «*Miero vuotti*» («Мир ждал»), являясь ее постоянным элементом или сюжетом «*Mitä issut, isosen poika*» («Чего сидишь, отцовский сын?»). В XX веке удалось зафиксировать лишь единичные варианты данного сюжета.

В наиболее ранних записях в качестве самостоятельной руны исполнялись так называемые руны-утешения – «*Morsiamen lohдутusvirret*» («Свадебные утешения»). Молодой жене представляют жениха, имеющего добротный дом и большое хозяйство, он хороший землепашец и охотник: «*Eipä sinua suolle tuotu, // Ojavarelle otettu. // Onhän mejän sulhasella // Aitta joka aholla*» (перевод наш. – В.М.) [SKVR 1₃ 1708]. С течением времени сюжет в качестве самостоятельной части утратил свое бытование, основные его мотивы вошли в сюжет «*Miero vuotti*» («Мир ждал»).

В доме жениха исполнялись руны-прославления – *sulhasen kodissa esitetty ylistysvirret*, произведения, адресатами которых были гости, хозяин и хозяйка рода. Самостоятельно благодарили патьвашку, одну из главных фигур свадебного ритуала, являвшегося и церемониймейстером, и, будучи носителем комплекса специальных магических знаний, выполнявшего охранительную функцию по отношению ко всем участникам обряда. Еще одной значимой фигурой была *суояннайни* (кар. *suajannaini*), в роли которой выступала сестра жениха или кто-то из родственников по женской линии. Она сопровождала невесту

в процессе всего обряда, выполняя, в первую очередь, оберегающую функцию. Рассматриваемые сюжеты как самостоятельные произведения утратили свое бытование, вероятно, усечение обряда повлекло за собой и утрату этих текстов. Однако мотивы в некоторых случаях включались в композицию других свадебных сюжетов.

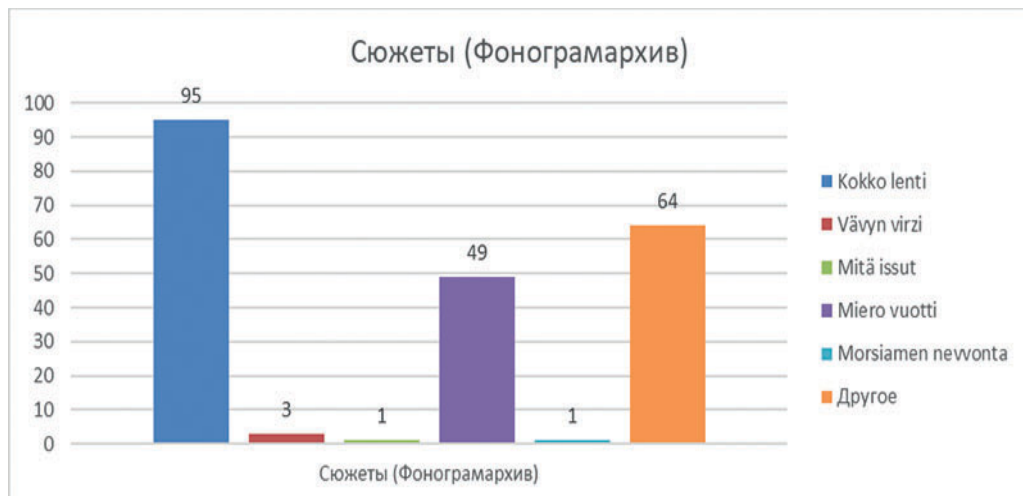
Завершался цикл руной-благодарностью исполнителю – «*häälaulajan palkka*». У. Холмберг-Харва отмечал, что первоначально свадебные руны исполнялись исключительно родственниками жениха и невесты. Однако позже стали приглашать специальных людей, функцией которых было музыкально-вербальное сопровождение свадебной свиты [Holmberg-Harva, 1929, s. 257]. Исполнение свадебных рун, как и других свадебных жанров, считалось обязательным, наряду с проведением всех обрядов и ритуалов. Эти действия обязательно оплачивались, о чем свидетельствуют строки: «*Ei runo rahatta laula, // Suuta kullatta kuluta*» («Руна без денег не поется, рот без золота не открывают») (перевод наш. – В.М.) [SKVR I, 2232]. В рассматриваемой коллекции данный сюжет не был выявлен, в некоторых случаях мотив благодарности исполнителю отмечается в рунах на сюжет «*Miero vuotti*» («Мир ждал»).

Диаграмма 5

Сюжетно-тематический состав свадебных рун
(на материале Научного архива КарНЦ РАН)

Диаграмма 6

Сюжетно-тематический состав свадебных рун
(на материале фонограммархива ИЯЛИ)**Заключение**

Таким образом, можем резюмировать, что накопление материала продолжалось в течение полутора столетий. С 1830 по 1920 год фиксацией свадебных рун и их публикацией занимались финские исследователи и почитатели культуры. Начиная с 1930 года эта работа была продолжена силами карельских ученых Института ЯЛИ КарНЦ РАН. Большая часть текстов, за исключением небольшого количества вариантов, не введена в научный оборот и находится на хранении в Научном архиве КарНЦ РАН и фонограммархиве ИЯЛИ.

Сравнение результатов работы финляндского и российского периодов демонстрирует сокращение числа сюжетов, исполняемых в ходе обрядовых действий. Одной из причин уменьшения их количества может быть сжатость во времени самого свадебного обряда. Исследователи отмечали, что в некоторых случаях проведение свадьбы могло следовать на следующий после сватовства день, а иногда – непосредственно после рукобитья [Конкка, 1992, с. 149].

Анализ имеющихся в нашем распоряжении вариантов показывает, что зачастую сюжеты, бытовавшие некогда как самостоятельные руны, контаминируются, образуя новые тексты, или полностью утрачиваются. Кроме того, просматривается процесс циклизации: тексты объединяются вокруг основных обрядовых действий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Богданов Г.Х. Свадьба Ухтинской Карелии // Западнофинский сборник. Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, гос. Акад. Тип., 1930. С. 36–64.

Инха И.К. В краю калевальских песен: тропой Лённрота по Беломорской Карелии: очерки о земле Беломорской Карелии. Петрозаводск: Периодика. Юминкеко, 2019, 464 с.

Карельская народная песня / изд. подгот. С.Н. Кондратьева. М.: Сов. композитор, 1977. 282 с.

Карельские народные песни / сост. и вступ. ст. Л.М. Кершнер. М.: Гос. музыкальное изд-во, 1962. 129 с.

Конкка У.С. Поэзия печали. Карельские обрядовые плачи. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1992. 296 с.

Миронова В.П. Особенности сюжетных контаминаций карельских свадебных рун // Культура и текст. 2019. № 2 (37). С. 6–13.

НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 2, колл. 11, ед. хр. 70 – Фольклорные записи 1927 г.

НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 2, колл. 35, ед. хр. 92 – Фольклорные записи 1937 г.

НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 2, колл. 49 – Фольклорные записи. 1938 г.

НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 2, колл. 10, ед. хр. 66 – Фольклорные записи 1963 г.

Путешествия Элиаса Лённрота: Путевые заметки, дневники, письма 1828–1842 гг. / пер. с фин. В.И. Кийранен и Р.П. Ремшуева. Петрозаводск: Карелия, 1985, 320 с.

Степанова А.С. Карельские плачи: специфика жанра (избр. ст.). Петрозаводск: Периодика, 2003. 216 с.

Сурхаско Ю.Ю. Карельская свадебная обрядность (конец XIX – начало XX в.). Л.: Наука, 1977. 273 с.

Швецова В.А. Ритмическая организация напевов северокарельских свадебных причитаний в контексте структурно-типологического исследования // Музыкаведение. № 5. 2019. С. 32–47.

Швецова В.А., Миронова В.П. Йойги в контексте свадебной обрядности северных карелов: семантика и особенности функционирования // Проблемы музыкальной науки / Music Scholarship. 2023. № 4. С. 188–198.

Holmberg-Harva U. Kauko-Karjalan häärinot. Turku: Turun yliopisto, 1929. 290 s.

Kuusi M. Suomen kirjallisuus. 1. Kirjoittamaton kirjallisuus. Helsinki: SKS, 1963. 655 s.

Niemi A.R. Vienan läänin runonlaulajat ja tietäjät. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1921. 1075–1183 s.

Suomen kansan vanhat runot I3. Vienan läänin runot. Lyyrilliset, opettavaiset, miete-, kiva-, leikki- y. m. runot // julkaissut A.R. Niemi. Helsinki, 1919. 392 s.

Suomen kansan vanhat runot I4. Vienan läänin runot. Loitsut // julkaissut A.R. Niemi. Helsinki, 1919. 419 s.

Suomen Kansan vanhat runot II // julkaissut A.R. Niemi, Helsinki, 1927. 739 s.

Valentina Mironova

**PLOT AND THEMATIC COMPOSITION
OF KARELIAN WEDDING RUNS
(BASED ON THE MATERIAL OF KarRC RAS
SCIENTIFIC ARCHIVES AND AUDIO ARCHIVES OF ILLH)**

Introduction. The article analyzes the collection of Karelian wedding runs compiled by folklorists from the Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (further-ILLH KarRC RAS) since the 1930s. **The purpose of the article** is to deal with the formation stages and to identify the specific features of plots and themes in Karelian wedding runs. **Material and methods.** The material includes hand-written and sound records stored in archives of the Karelian Research Centre RAS. Descriptive, comparative historical, functional methods were used. **Research results and discussion.** Recording of the materials began in the 19th century and was done by Finnish scientists but the collection was formed later, only in the first half of the 20th century. It represents only a part of the plots which existed earlier. The changes in the composition of plots and themes were due to the transformation of the wedding ritual and a loss of some of its elements. **Conclusion.** The bulk of the Karelian wedding runs corpus was compiled by researchers from ILLH in 1930–1970s. The texts recorded in the 20th century have certain specific features that appear in various plot contaminations. Furthermore, many texts were not used due to the reduction of the wedding ritual.

Keywords: Karelian wedding runs; Karelian wedding; transformation of the wedding ritual; KarRC RAS Scientific Archives; ILLH Audio Record Archives.

REFERENCES

Bogdanov G.H. Svad'ba Uhtinskoj Karelii [Ukhtinsk Karelian Wedding]. *Zapadnofinskij sbornik*. Leningrad, Akademija Nauk SSSR, Gosudarstvennaja Akademicheskaja tipografija, 1930, pp. 36-64. (In Russian and Karelian).

Inha I.K. V kraju kaleval'skih pesen: tropoj Ljonnrota po Belomorskoj Karelii: ocherki o zemle Belomorskoj Karelii [In the Land of Kalevala Songs: along Lönnrot's Path through White Sea Karelia: Essays on the Land of White Sea Karelia]. Petrozavodsk, Periodika, Juminkeko, 2019, 464 p. (In Russian).

Karel'skaja narodnaja pesnja [Karelian Folk Song]. Moscow, Sovetskij kompozitor, 1977, 282 p. (In Karelian and Russian).

Karel'skie narodnye pesni [Karelian Folk Songs]. Moscow, Gosudarstvennoe muzykal'noe izdatel'stvo, 1962, 129 p. (In Karelian and Russian).

Konkka U.S. Poezija pechali. Karel'skie obrjadovye plachi [Poetry of Sadness. Karelian Ritual Laments]. Petrozavodsk, Karel'skij nauchnyj centr Rossijskoj Akademii nauk, 1992, 296 p. (In Russian).

Mironova V.P. Osobennosti sjuzhetnyh kontaminacij karel'skih svadebnyh run [Plot contaminations specific to Karelian wedding rune songs]. *Kul'tura i tekst*. 2019, no. 2 (37), pp. 6-13. (In Russian).

Nauchnyj arhiv Karel'skogo nauchnogo centra. Fond 1. Opis' 2. Kollekcija 10 [Scientific Archive of the Karelian Scientific Center. Archives 1. Anagraph 2. Collection 10]. (In Karelian).

Nauchnyj arhiv Karel'skogo nauchnogo centra. Fond 1. Opis' 2. Kollekcija 11 [Scientific Archive of the Karelian Scientific Center. Archives 1. Anagraph 2. Collection 11]. (In Karelian).

Nauchnyj arhiv Karel'skogo nauchnogo centra. Fond 1. Opis' 2. Kollekcija 35 [Scientific Archive of the Karelian Scientific Center. Archives 1. Anagraph 2. Collection 35]. (In Karelian).

Nauchnyj arhiv Karel'skogo nauchnogo centra. Fond 1. Opis' 2. Kollekcija 49 [Scientific Archive of the Karelian Scientific Center. Archives 1. Anagraph 2. Collection 49]. (In Karelian).

Puteshestvija Eliasa Lennrota: Putevye zametki, dnevniki, pis'ma 1828-1842 gg. [Travel of Elias Lönnrot: Travel Notes, Journals, Letters from 1828-1842]. Petrozavodsk, Karelija, 1985, 320 p. (In Russian).

Stepanova A.S. Karel'skie plachi: specifika zhanra [Karelian Lamentations: the Specifics of the Genre]. Petrozavodsk, Periodika, 2003, 216 p. (In Russian).

Surhasko Ju.Ju. Karel'skaja svadebnaja obrjadnost' (konec XIX–nachalo XX v.) [Karelian Wedding Ceremony (late XIX–early XX centuries)]. Leningrad, Nauka, 1978, 237 p. (In Russian).

Shvecova V.A. Ritmicheskaia organizacija napevov severnokarel'skih svadebnyh prichitanij v kontekste strukturno-tipologicheskogo issledovanija [The rhythmic organization of the Northern Karelians wedding laments in the context of structural and typological research]. *Muzykovedenie*, 2019, no. 5, pp. 32-47. (In Russian).

Shvecova V.A., Mironova V.P. Joigi v kontekste svadebnoj obrjadnosti severnyh karelov: semantika i osobennosti funkcionirovanija [The Joiks in the Context of the Northern Karelian Wedding Rituals: The Semantics and Functioning Peculiarities]. *Music Scholarship*, 2023, no. 4, pp. 188-198. (In Russian).

Holmberg-Harva U. Kauko-Karjalan häärunot. Turku, Turun yliopisto, 1929, 290 p. (In Russian).

Kuusi M. Suomen kirjallisuus. 1. Kirjoittamaton kirjallisuus. Helsinki, SKS, 1963, 655 p. (In Finnish).

Niemi A.R. Vienan läänin runonlaulajat ja tietäjät. Helsinki, Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1921, 1075-1183 p. (In Finnish).

Suomen kansan vanhat runot I3. Vienan läänin runot. Lyyrilliset, opettavaiset, miete-, kiva-, leikki- y. M. Runot, julkaissut A. R. Niemi. Helsinki, 1919, 392 p. (In Karelian).

Suomen kansan vanhat runot I4. Vienan läänin runot. Loitsut, julkaissut A. R. Niemi. Helsinki, 1919, 419 p. (In Karelian).

Suomen Kansan vanhat runot II, julkaissut A. R. Niemi. Helsinki, 1927, 739 p. (In Karelian).

Миронова Валентина Петровна

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН,
г. Петрозаводск
e-mail: tutkija@mail.ru

Valentina Mironova

Candidate of Philological Sciences,
Senior Researcher of the
Institute of Linguistics, Literature and History
of the Karelian Research Centre of the Russian
Academy of Sciences
Petrozavodsk
e-mail: tutkija@mail.ru

